УДК 811.512.111’373.2

Э. В. Фомин

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭТНОНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Работа посвящена изучению чувашского этнонимикона в семантическом аспекте. Автором устанавливается корпус собственно чувашских этнонимов, включающий около трех десятков названий. Некоторые из них (*вирьял* ‘верховой чуваш’, *вырăс* ‘русский’, *ирçе* ‘эрзя’, *калмăк* ‘калмык’, *кăркăс* ‘киргиз’, *мăкшă* ‘мокша’, *тутар* ‘татарин’, *эрмен* ‘армянин’), кроме денотативной семантики, указывающей на этнос и территорию обитания представителей данной национальности, также развили коннотативные созначения. Исследование дополнительных значений этнонимов представляется важным в этнологическом плане в целом.

Ключевые слова: *этноним, семантика, чувашский язык, языковые контакты.*

Актуальность исследуемой проблемы. Этнонимикон – интереснейший пласт лексической системы языка, обусловленный глубокими историческими, географическими, политическими и иными реалиями. Научное изучение этнонимов представляется важным в аспекте этнической истории, и именно в созвучном ей плане – этимологическом – этнонимы изучались в чувашском языкознании [7], [11, с. 37–40], [12, т. 1, с. 138–139, т. 2, с. 394–399], [14, с. 136–138].

Семантическая составляющая этнонимов на первый взгляд кажется простой и потому не нуждающейся в специальных изысканиях. Между тем за время продолжительного функционирования некоторые этнонимы в чувашском языке усложнили семантическую структуру. Современные словари фиксируют лишь денотативную семантику этнонимов (надо сказать, не всегда последовательно), игнорируя их значения с коннотацией.

Работа ставит целью описать структуру чувашских этнонимов на макро- и микроуровнях. Этимологический аспект не входит в задачи исследования.

Материал и методика исследований. В настоящей работе этнонимы чувашского языка рассматриваются в качестве системного явления. Собственно чувашский этнонимикон устанавливается путем сплошного просмотра Словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина [2]. Автором опускается хронологически современная страта (например, *бразил, вьетнам, поляк, финн, якут*), обусловленная русским посредством и не представляющая особого интереса в чувашеведческом плане.

© Фомин Э. В., 2018

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: yeresen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2017

Установление полной семантической структуры этнонимов происходит с учетом сложившихся денотативного и коннотативного значений. В случаях, когда словарями не фиксируются реально ощущаемые коннотации, они выводятся путем привлечения дополнительных сведений, чаще всего фольклорных. Конструируемые значения обозначаются астериксом.

Автор разделяет точку зрения части лингвистов, выводящих этнонимы за пределы ономастических исследований [5], и в данной работе этнонимы рассматриваются в качестве самостоятельной лексико-семантической группы.

Результаты исследований и их обсуждение. Чувашская этнонимика представлена тремя десятками названий, включая многочисленные варианты и синонимы. При этом этнонимы нередко являются фонетическими адаптациями самоназваний контактировавших народов, в ряде случаев – онимов, опосредованных русским или татарским языками. Данная ситуация объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, одноязычностью чувашской метрополии и, во-вторых, малой мобильностью чувашского народа, приводившей к ограничению межъязыковых контактов [13, с. 9].

В ходе становления литературного языка в начале XX в. происходит резкий скачок в частотности эндоэтнонима *чăваш* ‘чуваш’. В поэме К. Иванова «Нарспи» [8], содержащей 6472 словоупотребления, этноним *чăваш* повторяется 24 раза. При этом в тексте отсутствуют другие этнонимы, кроме как *чикан* ‘цыган’, употребленный в сравнительном обороте *хура чикан пек* ‘черный, как цыган’.

Топонимика также свидетельствует о сплошных чувашских пространствах метрополии. Лишь незначительная часть собственно чувашской ойконимии республики, включающей в настоящее время 1776 единиц, атрибутирована этнически: чувашскими называются 14 населенных пунктов, девять определены как русские, по шесть обозначены татарскими и мишарскими, одно селение содержит указание на мордву [4], [9]. Подобные названия характерны главным образом для чувашско-инонациональных контактных зон.

Чувашские этнонимы хронологически подразделяются на четыре страты, которые условно можно назвать древней (1), старой (2), новой (3) и новейшей (4). При этом первые три являют собственно чувашский, или традиционный, этнонимикон, а последняя страта целиком состоит из названий, заимствованных из русского языка или через его посредство.

1. Древний пласт, реализованный до XVI в., включает в себя следующие этнонимы: *ар* ‘удмурт’, *вирьял* ‘верховой чуваш’, *вырăс* ‘русский’, *пăлхар* ‘булгар’, *пăртас* ‘буртас’, *сăвар* ‘сувар’, *çармăс* ‘черемис, мариец’, *тутар* ‘татарин’, *чăваш* ‘чуваш’.

Пласт состоит из слов с разным функциональным статусом.

Этнонимы *пăлхар, пăртас, сăвар* следует признать историческими. При этом до последнего времени они воспринимались лишь в качестве ойконимов: *Сăвар* – с. Кузнечиха в Спасском районе Татарской Республики, близ которого находится предполагаемое Суварское городище; *Пăртас* – чувашская деревня Буртасы в Вурнарском и русское село в Урмарском районах Чувашской Республики.

Слово *пăлхар*, кроме топонимического употребления (*Пăлхар* – г. Болгар, столица Волжской Булгарии), дефинирует сразу два этноса – волжских булгар и балканских болгар [2, т. 10, с. 112]. Разграничение их в чувашском языке произошло недавно: булгар стали называть *Атăл çи пăлхар* букв. ‘болгары на Волге’, при необходимости номинировать балканских болгар используется сочетание *Дунай пăлхарĕсем*.

К древнему пласту относится и эндоэтноним *чăваш*. Историки предполагают, что впервые данный этноним фиксируется в 1502 г. в одном из списков «Истории о Казанском царстве» [12, т. 2, с. 394], согласно другим данным – в 1508 г. [6, с. 76]. Между тем чуваши под мордовским названием *вяда* (совр. эрз. *ветке*) были упомянуты уже в первой половине XIII в. в «Повести о погибели Русской земли» [3, с. 49–50], [14, с. 137].

Этнонимы *ар* и *çармăс* представляются архаичными. Первый из них квалифицируется в качестве архаизма по естественным причинам. Прямые контакты прачувашей и удмуртов, существовавшие в период до XVI в., в настоящее время минимальны и происходят главным образом в Граховском районе Удмуртии и чувашско-удмуртских селах Бавлинского района Татарстана.

Вопреки тому, что чуваши и марийцы все еще находятся в тесных контактах, этноним *çармăс* следует квалифицировать в качестве архаизма. Его архаичность обусловлена введением в речевой обиход экзоэтнонима *мари,* постепенно вытесняющего эндоэтноним *çармăс.*

2. Старый пласт чувашского этнонимикона сложился в XVI–XVIII вв. Этнонимы данного пласта чаще являют субституированные формы самоназваний народов, с которыми чуваши имели контакты: *кăркăс* ‘киргиз’ (= ‘казах’) < кирг. *кыргыз*, *ирçе* ‘эрзя’ < эрз. *эрзя*, *мăкшă* ‘мокша’ < мокш. *мокша*, *мишер* ‘мишарин’ < тат. *мишәр*, *пушкăрт* ‘башкир’ < башк. *башҡорт*, *чалтун* < рус. *челдон/чолдон/чалдон* ‘первые русские поселенцы в Сибири и их потомки’. Этнонимы данной группы также могут быть названиями, опосредованными татарским или русским языками: *чикан* ‘цыган’ ≤ тат. *чегән* (самоназвание *рома*), *эрмен* ‘армянин’ ≤ тат. *әрмән* (самоназвание *хай*), *калмăк* ‘калмык’ = рус. *калмык* (самоназвание *хальмг*) ≤ тат. *kalmyk*, тур. *kalmuk*, казах., тел., узб. *kalmak*, монг. *χalimak* [10, т. 2, с. 169–170], *нимĕç* ‘немец’ ≤ рус. *немец* (самоназвание *Deutsche*) [1, с. 152–153].

3. Новый пласт этнонимов хронологически охватывает период с XIX по начало XX в.: *акăлчан* ‘англичанин’, *турă çынни* ‘еврей’ (букв. ‘божий человек’), *туркка* ‘турок’, *хрантсус* ‘француз’, *яппун* ‘японец’. Этнонимы настоящей группы, за исключением *турă çынни*, являются фонетически освоенными формами русских названий.

4. Новейший пласт чувашских этнонимов формируется с начала XX в. путем заимствования названий через посредство русского языка без каких-либо изменений или с минимальной фонетической или морфологической трансформацией исходных форм: *венгр* ≤ рус. *венгр*, *испан* ≤ рус. *испанец*, *итальян* ≤ рус. *итальянец, корей* ≤ рус. *кореец*, *монгол* ≤ рус. *монгол*, *поляк* ≤ рус. *поляк*, *норвег* ≤ рус. *норвежец* и др.

Названия народов в традиционном чувашском этнонимиконе иногда находятся в синонимических отношениях: *вырăс* ‘русский’– *майтан* – *майра* ‘русская женщина’ – *касак* ‘казак’ (субэтническая группа русских), *кăркăс* ‘киргиз’ – *нохай*, *çармăс* ‘мариец’ – *мари*, *туркка* ‘турок’ – *тĕрĕк*. В нем развита вариативность: *вирьял* ‘верховой чуваш’ – *вире ял(ĕ), кăркăс* ‘киргиз’ – *кăркăш, çармăс* ‘мариец’ – *çармăç* – *çармăш, туркка* ‘турок’ – *турăк* – *туркă* – *турка*, *тутар* ‘татарин’ – *тотар* – *тутарин* (в словаре Н. И. Ашмарина *тутарин* приводится в качестве слова с неизвестным значением [2, т. 14, с. 184]), *хрантсус* ‘француз’ – *хрансус, яппун* ‘японец’ – *яппон*. Как исключение здесь встречаются омонимы *пăлхар*[1] ‘булгары’, *пăлхар*[2] ‘болгары’. Наличествует многозначный этноним: *тутар* 1. татарин; 2. мусульманин. Имеются слова для обобщенного обозначения нечувашских народов: *вырăс-тутар* ‘русские и татары’ [2, т. 5, с. 211], *мăкшă-ирçе* ‘мордва (мокша и эрзя)’ [15, с. 233].

Этнонимы *ар, вырăс, калмăк, кăркăс, çармăс, тутар* появились в результате межэтнических контактов, происходивших на территории традиционного обитания чувашей в Урало-Поволжье. Названия *хрантсус, туркка, яппун* стали отголосками известных военных событий XIX – начала XX в. Появление этнонима *турă çынни* (< *турă* ‘бог’ + *çын* ‘человек’, т. е. ‘божий человек’) связано с изданием библейских текстов на чувашском языке. *Акăлчан, мĕрикан, хрантсус, эрмен* – материально обусловленные этнонимы: *акăльски çип* ‘крученые бумажные нитки’, *таса акăльски (чăлт шурă)* ‘совершенно белые нитки’, *хĕрлĕ акăльски* ‘красные нитки’, *ахаль акăльски* ‘простые и дешевые желтоватого цвета’ [2, т. 1, с. 91]; *мĕрикански çĕр улми* ‘особый сорт картофеля’, *мĕрикански сĕлĕ* ‘американский овес’ [2, т. 8, с. 347]; *хрантсус, хранцуски, хранчус* – название материи [2, т. 17, с. 76]; *эрмен пурçăнĕ* ‘армянский шелк’ [2, т. 3, с. 28].

Семантическая структура традиционных чувашских этнонимов допускает обязательное денотативное и факультативное коннотативное значения. Исключение составляет фразема без выраженной денотативной составляющей *хура патампаш* < *хура* ‘черный’ + *патампаш* (?) – слово, которым обзывают черного человека [2, т. 16, с. 203].

В свою очередь, денотативное значение этнонима может иметь сложную структуру. В лексикографической практике названия народов, с которыми чуваши находились в тесных взаимосвязях, первым значением имеют указание на национальность, вторым – на местность, см.: **пушкăрт** 1. башкир. 2. Башкирия, башкирский край [15, с. 321]; **çармăс** 1. мари; *уст.* черемис. 2. марийский край, Заволжье [15, с. 399]; **тутар** 1. татарин. 2. татарский край, Татария [15, с. 499].

Однако топонимическое значение этнонимов в чувашских словарях выражается непоследовательно: **калмăк** ‘калмык’ [15, с. 137]; **нимĕç** ‘немец; по-немецки, на немецкий лад’ [15, с. 257].

Следует подчеркнуть, что топонимическое значение в чувашских этнонимах присутствует априори и его следует отражать в словарных статьях в обязательном порядке.

Чувашские этнонимы могут допускать коннотации. Для сравнения: обременение этнонимов дополнительными негативными значениями в послеоктябрьское время стало причиной замещения традиционных русских названий на внутри- или интернациональные. Так, этноним *черемис* был заменен самоназванием *мари,* хотя в европейской финно-угристике сохранился прежний этноним; *вотяк, зырянин, самоед* были замещены названиями *удмурт, коми, самодиец.*

Уничижительные коннотативные значения этнонимов обосновываются психологически: этноцентризм индивида и социума оборачивается невысокой оценкой других народов – неродственных, малознакомых, «странных». Та же основа лежит в природе этнофолизмов, т. е. этнонимов с явно превалирующей негативной коннотацией.

В современных словарях, рассчитанных на уровень наивного языкового сознания, коннотации этнонимов совершенно справедливо не указываются, поскольку в нынешних условиях о народах принято говорить исключительно с позиций положительной оценки.

Поскольку опыт общения чувашей с другими народами был незначительным, можно предположить, что коннотации большинства этнонимов носили локальный характер.

Неодобрительной коннотацией отмечены такие этнонимы, как *вирьял* [2, т. 5, с. 238, 239], *ирçе* [2, т. 3, с. 138–139], *мăкшă* [2, т. 8, с. 304], *калмăк* [2, т. 6, с. 42], *кăркăс* [2, т. 7, с. 179], *эрмен* [2, т. 3, с. 28].

Кроме прописанных в словарях коннотаций, сопутствующие значения могут быть сконструированы на основе изучения субъективных представлений социума о том или ином народе. Значения эти едва угадываются, неабсолютны, неконкретны, однако их нельзя не заметить.

Образы народов, с которыми чуваши имели контакты, запечатлелись в их культуре в разнообразных формах, подчас с взаимоисключающей контекстуальной семантикой. Таково, например, функционирование этнонимов *вырăс* ‘русский’ (с его синонимами в широком смысле) и *тутар* ‘татарин’:

Вырăс 1. русский. 2. *красивый. *Вырăс пек* – чувашин, одетый более или менее по-русски, с широкой бородой и пр. *Вырăс хĕрĕ вăл хăех, пит-куç майрасен пекех* [2, т. 8, с. 304]. 3. *опасный. *Ачасем макăрсан асту, макăр-ха, вырăса парса яратăп тесе хăратнă. Çавăн пекех тутарсенчен те хăратнă.* ‘Когда дети плакали, их пугали: попробуй только плакать, русскому отдам. Так же пугали татарами’. *Вырăса ятна ан кала, тутара килне ан кăтарт теççĕ. / Вырăса ятна ан кала, мишерне çуртна ан кăтарт*. ‘Русскому имени не назови, татарину на свой дом не покажи’ [2, т. 5, с. 208–209].

Касак 1. казак; полицейский стражник. *Касакпа çапсан та каймасп.* ‘Хоть полиция будет гнать, и то не пойду’. *Эп онта касакпа çапсан на каймастăп*. ‘Даже если стражники погонят, я и то туда не пойду’. 2. *шустрый, бойкий. *Касак кин* ‘шустрая бойкая женщина’ [2, т. 6, с. 128].

Майра 1. русская женщина; в соединении с названиями народностей может обозначать вообще женщину нечувашского происхождения, однако в низовых говорах бывшей Симбирской губернии вместо *тутар майри* обыкновенно говорят *тутар арăмĕ*. 2. дама (в картах). *Пукăнь майри* ‘бубновая дама’. 3. *не приспособленный к крестьянской работе. *Майрана окошка омĕнче ларма илетни?* – говорили прежде тому, кто хотел жениться на русской, в особенности если она не из крестьянской трудовой семьи. 4. *красивый. *Майра утти* ‘медленная и плавная походка гуляющего человека’, букв. ‘походка русской женщины’; *Майра сăнĕ пек сăнăм пурччĕ.* ‘Лицом я когда-то была похожа на русскую’; *Майра хăйне мухтать* ‘Русская женщина сама себя хвалит’ (пословица). *Майра кĕвенти* – образное выражение о походке, букв. ‘коромысло русской женщины’. *Майра кĕвенти Альтюк пур; çичĕ юта кайсассăн карчăк кĕвенти пулĕ-ха.* ‘Есть Альдюк с походкой русской женщины; когда она выйдет замуж за тридевять земель, ее походка станет старушечьей’ [2, т. 8, с. 165–166].

Тутар 1. татарин. 2. мусульманин [2, т. 14, с. 183]. 3. *сообразительный. *Тутарăн хăйĕнчен малтан ăсĕ виçĕ çухрăмран пырать тесе ахаль каламан ваттисем.* ‘Не зря в прежние времена говорили, что мысль татарина обгоняет его самого на три версты’ [2, т. 14, с. 183]. 4. *опасный (примеры см. в словарной статье *вырăс* 3).

Мишер 1. мишарь. 2. *опасный. *Мишер ларнă вырăна саваламасăр ан лар теççĕ.* ‘Говорят: не садись на то место, где сидел мишарь, пока рубанком не пройдешься’; *Мишер пек хăпарсах ларнă-çке эсĕ!* ‘Ты уселся, как мишарин!’; *Ай-ай, эс çемçене юратан, мишер пек!* ‘Ой-ой, ты любишь мягкое, как мишарин’ [2, т. 8, с. 255].

Резюме. Денотат чувашских этнонимов исходно состоит из двух компонентов: номинации народа и указания на территории, населяемые этим народом. Коннотативные значения развила незначительная часть чувашского этнонимикона, входящая в старый хронологический пласт. Конструируемые коннотации, за редким исключением, не успели оформиться в общенациональные и в целом игнорируются современной лексикографической практикой.

СОКРАЩЕНИЯ

Башк. – башкирский язык, казах. – казахский язык, кирг. – киргизский язык, мокш. – мокшанский язык, монг. – монгольский язык, рус. – русский язык, совр. – современный, тат. – татарский язык, тел. – телеутский диалект горноалтайского языка, узб. – узбекский язык, уст. – устаревший, эрз. – эрзянский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адягаши К.* Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала : этимологический справочник. Ч. I. – Дебрецен : Rossuth Egyetemi Kiadó, 2005. – 216 с.
2. *Ашмарин Н. И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки (Словарь чувашского языка) : в 17 т. – Чебоксары : Русика, 1994–2000.
3. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. – 257 с.
4. *Нестеров В. А.* Населенные пункты Чувашской АССР : справочник об административно-территориальном делении. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 351 с.
5. *Поляков А. С.* К вопросу о содержании понятия «этноним» // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 125–129.
6. *Салмин А. К.* История чувашей в их этнонимах // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 4. – С. 71–85.
7. *Сергеев И. Т.* По поводу одной этимологии М. Фасмера // Чувашский язык. Вып. 66. – Чебоксары : Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1976. – С. 176–179.
8. *Сказки* и предания чуваш (Чăваш халлапĕсем). – Симбирск : Типография А. и М. Дмитриевых, 1908. – 114 с.
9. *Сосаева А. А.* Структурные типы топонимических названий в чувашском языке (на материале ойконимов) // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 5. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1997. – С. 145–186.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука, 1996.
11. *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск : Изд-во Саран. ун-та, Саран. фил., 1990. – 335 с.
12. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
13. *Фомин Э. В.* Научный стиль чувашского языка конца XIX – начала XX вв. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 131 с.
14. *Хрестоматия* по культуре Чувашского края: дореволюционный период / сост. Н. И. Егоров, М. Г. Данилова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. – 253 с.
15. *Чăвашла-вырăсла* словарь (Чувашско-русский словарь). – 2-мĕш кăларăм / М. И. Скворцов редакциленĕ. – М. : Русский язык, 1985. – 712 с.

UDC 811.512.111'373.2

E. V. Fomin

SEMANTIC STRUCTURE OF ETHNONYMS IN THE CHUVASH LANGUAGE

Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the Chuvash ethnonymicon in the semantic aspect. The author establishes the corpus of the Chuvash ethnonyms. It includes about thirty names. Some of them (*viryal* 'riding Chuvash', *virăs* 'Russian', *irçe* 'Erzya', *kalmăk* 'Kalmyk', *kărkăs* 'Kyrgiz', *măkšă* 'Moksha', *tutar* 'Tatarian', *ermen* 'Armenian'), except for the denotative meanings, identifying the ethnos and the territory of the inhabitants of a given nationality, have also developed some connotative semantics. The study of connotations of ethnonyms seems to be important in the ethnological context.

Keywords: *ethnonym, semantics, Chuvash language, language contacts.*

REFERENCES

1. *Adjagashi K.* Rannie russkie zaimstvovanija tjurkskih jazykov Volgo-Kamskogo areala : jetimologicheskij spravochnik. Ch. I. – Debrecen : Rossuth Egyetemi Kiadó, 2005. – 216 s.

2. *Ashmarin N. I.* Chăvash sămahĕsen kĕneki (Slovar' chuvashskogo jazyka) : v 17 t. – Cheboksary : Russika, 1994–2000.

3. *Napol'skih V. V.* Vvedenie v istoricheskuju uralistiku. – Izhevsk : Udmurt. in-t istorii, jaz. i lit. UrO RAN, 1997. – 257 s.

4. *Nesterov V. A.* Naselennye punkty Chuvashskoj ASSR : spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1981. – 351 s.

5. *Poljakov A. S.* K voprosu o soderzhanii ponjatija «jetnonim» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 4. – S. 125–129.

6. *Salmin A. K.* Istorija chuvashej v ih jetnonimah // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2014. – № 4. – S. 71–85.

7. *Sergeev I. T.* Po povodu odnoj jetimologii M. Fasmera // Chuvashskij jazyk. Vyp. 66. – Cheboksary : Nauch.-issled. in-t pri Sovete Ministrov Chuvash. ASSR, 1976. – S. 176–179.

8. *Skazki* i predanija chuvash (Chăvash hallapĕsem). – Simbirsk : Tipografija A. i M. Dmitrievyh, 1908. – 114 s.

9. *Sosaeva A. A.* Strukturnye tipy toponimicheskih nazvanij v chuvashskom jazyke (na materiale ojko-nimov) // Materialy po chuvashskoj dialektologii. Vyp. 5. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1997. – S. 145–186.

10. *Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. – 3-e izd., ster. – SPb. : Azbuka, 1996.

11. *Fedotov M. R.* Chuvashsko-marijskie jazykovye vzaimosvjazi. – Saransk : Izd-vo Sarat. un-ta, Saran. fil., 1990. – 335 s.

12. *Fedotov M. R.* Jetimologicheskij slovar' chuvashskogo jazyka : v 2 t. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1996.

13. *Fomin Je. V.* Nauchnyj stil' chuvashskogo jazyka konca XIX – nachala XX vv. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2007. – 131 s.

14. *Hrestomatija* po kul'ture Chuvashskogo kraja: dorevoljucionnyj period / sost. N. I. Egorov, M. G. Danilova. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2001. – 253 s.

15. Chăvashla-vyrăsla slovar' (Chuvashsko-russkij slovar'). – 2-mĕsh kălarăm / M. I. Skvorcov redakcileně. – M. : Russkij jazyk, 1985. – 712 s.

© Fomin E. V., 2018

Fomin, Eduard Valentinovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia; e-mail: yeresen@yandex.ru

The article was contributed on July 10, 2017